

Четыре спектакля

В Ленинграде сейчас гостит Русский драматический театр Латвийской ССР, впервые гастролирующий в нашем городе.

Большая часть репертуара рижан хорошо известна ленинградцам по спектаклям театров нашего города и столицы. При первом знакомстве с гастрольной афишей у многих, вероятно, даже мелькнуло сомнение: что нового могут дать эти спектакли?

Следует заметить, с такого рода мыслями мы и отправились смотреть спектакль «Московский характер».

Знакомый кабинет директора станкоконтрольного завода Потапова. В дверь входит женщина, скромно и просто одетый мужчина с благодушной физиономией, близоруко шуршащий через стекла пенсне. Но его манеры сразу видны — перед нами человек в высшей степени вежливый, деликатный, корректный. Кто же он? Оказывается это Зайцев. Да, да, тот самый Зайцев, начальник планового отдела завода, которого мы привыкли видеть на сцене не иначе как неким подхалимом и привалебелем.

Как известно, образ Зайцева являлся наиболее ярким критиком. Иными и так сказать магловобеспринципный Зайцев, какими его изображали во многих театрах, никак не являлся с представлением о доверенном лице, даже в какой-то степени друге Потапова.

Артист В. Жук решил стоявшему перед ним нелегкому задаче вполне оригинально, самостоятельна и, как нам кажется, во многом более убедительно, чем такие исполнители этой роли, как Н. Светловдов в Ма-

Гастроли Русского драматического театра Латвийской ССР в Ленинграде

лом театре или В. Вайни в спектакле театра имени Моссавета.

Перед нами человек с интеллигентным обликом, не знающий внешней привлекательности, но весьма померкший, недалекий и к тому же настолько подчиненный влиянию Потапова, так смело уверовавший в его организаторские таланты, в его непогрешимость, что у него являлась даже видимость какой бы то ни было самостоятельности.

В центре спектакля, как и в самом конфликте Потапова и Грипнева. Знакомый ленинградцам по Двиному театру артист С. Васильев рисует Потапова энергичным руководителем, честным советским человеком, которому окружили толкуют собственные успехи. Самоуверенность, самонадеянность приводят его к серьезной ошибке — отказу помочь соседней фабрике в освоении нового станка.

Булзминадойной в спектакле является сцена заседания бюро райкома партии, где жена Потапова Ириша Грипнева (артистка Е. Мухомова) начинает борьбу со своим мужем ради всего самого, ради интересов общего дела. В этой трудной сцене особенно ошутими и мастерство постановщика А. Корженева и культура актерского коллектива.

Спектакль мог бы стать еще интереснее, еще действеннее, если бы театру удалось в важнейшие сцены образы передовых советских людей

инженера Кривошеина (артист Г. Рено) и работницы Кружковой (артистка Л. Тихомирова).

Если события, положенные в основу софроньевской комедии, показаны славной жизнью, то сюжет комедии Л. Шейнина «Ревное наследие» носит несколько условный, анекдотический характер. Театр (постановщик М. Няра), к сожалению, слишком увлекается водеvilным характером сюжета и не уделяет должного внимания идейному замыслу пьесы, который шире и значительнее фабулы.

Спектакль в сущности рассказывает о том, как фотограф из маленького приваляжского городка переиграл трех американцев — прожженных дельцов, плутов и выжиг, — охотившихся за наследством чужацкого миллионера.

Несмотря на самые добрые намерения постановщика показать благородство советского человека, его моральное превосходство, условный драматургический прием изая вери над идеями и над образами.

Фотограф Тузов в изображении актера В. Глухова — благородный, аккуратный старичок с простецким лицом, с новизной не то горьковского Луки, не то толстовского Илатона Каратаева. Он отводит душу преимущественно в словесных сморкательных бесконечных вариантах плотного обеда или во вдохновенно-эпоических гимнах нецелительных войскам русской бани. Естественно, что он мало похож на советского человека, умеющего хранить и свою гордость и свое достоинство.

Американцы — атташе Уорфилд (артист Г. Рено) и журналист Сон-

ди Голланд (артист А. Аутунисан) изображены чисто внешне, плакатно. Что касается их спутника Бидла (заслуженный артист А. Астаров), то актер под конец пытается вопреки пьесе вызвать к нему даже симпатию.

Есть в спектакле и актерские удачи. Например, М. Подгурская в роли переводчицы чистоты Марии Джирбон или П. Карповская, создающая привлекательный образ молодой советской девушки Вали. Но главная тема пьесы раскрывается не в них, и они мало что могут изменить в общем итоге спектакля.

Гораздо более плодотворной оказалась работа режиссера М. Няры над пьесой А. Барнова «На той стороне».

В образах главных героев спектакля — майора советской разведки Игнатова (артист В. Чобур) и лейтенанта Валентина Николаевича (артистка М. Подгурская) театр раскрыл самое главное в пьесе Барнова — истоки мужества и бесстрашия советских людей, выполняющих ответственное задание казначейства. Их силу и отвагу усиливает сознание правоты своего дела, преданность Родине.

К сожалению, японцы, изображенные автором «врагами сильными, хитрыми и коварными», в спектакле (за исключением, пожалуй, полковника Мурамуры в исполнении артиста Б. Титова) выглядят излишне примитивными и отупелыми. В еще большей степени это относится к сотрунку японской разведки выхорыну семейной банды Иракевичев. Артист В. Шаховский не уберечь в данном случае от шаблона и изобразил условного опорочно-водеvilного злодея.

Но, повторим, эти промахи не

могут заслонить главного в спектакле — интересные, подокропные образы советских людей. Стремясь раскрыть новые жизнеутверждающие начала нашей социалистической действительности, театр в таких спектаклях, как «Московский характер» и «На той стороне», раскрывает лучшие стороны характера советских людей. Это свидетельствует о живом ощущении коллективом нашей современности.

До и в отношении к прошлому театру не хочет быть бесстрастным регистратором добра и зла. Театр — не музей. В какой бы форме ни отразились размеренные на сцене события, все равно они должны отвечать живым вопросам и насущным интересам зрителей.

Можно смело утверждать: если бы писателем-романистом «Дворянского гнезда» и его постановщиком А. Ефремов и М. Няра не сумели глубоко, по-современному понять тургеневский роман, не стоило бы и браться за его постановку. Дворянчик как безмолвный мечтатель — один из галерей лишнего людей, — ни в каком сейчас не мог бы вызвать ни сочувствия, ни интереса.

Но, как заметил по этому поводу А. М. Горький, «сирини не анализируют все условия времени — и гнет правительств, и отсутствие бесчисленного общества, и отсутствие в массах крестьян сознания своих задач — мы должны будем признать, что мечтатель по тем временам являлся пропагандистом идей революционных, он был критиком действительности».

Чтобы убедиться в этом, достаточно мысленно отнестись Дворянского Панинну. Панинн разгадывает о том, что Россия, дескать, суждено идти вслед за Западной Европой.

поступом учиться у нее. Тургенев в романе замечает: «Дворянчик не рассердился, не возвысил голоса — и покойно разбил Панинну на всех пухляк. Дворянчик отстал от молодости и самостоятельности России».

Возвращаясь к спору русского патриота Дворянского с бездумным бюрократом Панинну, делаем этот спор одним из центральных эпизодов спектакля, театр клеймит чиновных вельмож, в глубине души равнодушных к своему отечеству, погубивших немало русских талантов.

В спектакле «Дворянское гнездо» почти все образы вылеплены свежо, остро, интересно. Это относится и к Дворянскому — С. Васильеву, Лясе — П. Бардовской, и к Балтийной — В. Валеской, и к Михайловичу — В. Гаврилову, и к Панинну — Н. Тарскому, и даже к таким третьестепенным действующим лицам, как Игнатова Барновна (П. Гусева) или Шуручка (Е. Булатова). Очень сильное впечатление оставляет талант народной артистки Латвийской ССР Л. Мельниковой, создающей привлекательный образ вдовы, умной, проникательной, сердечной русской женщины Марфы Тимофеевны Пестовой.

Мы остановились на четырех постановках из числа показанных театром в нашем городе. В этих спектаклях, как нам кажется, наиболее ошутими и сильные и слабые стороны коллектива.

К сожалению на сцене театра мы не увидели сегодняшнюю жизнь молодой Латвийской ССР. Театр почему-то равнодушен к пьесам современная латвийских драматургов, многие из которых несомненно заслуживают сценического воплощения.

С. ОСОВЦОВ